

Диал. как *Мамай побрал* 'о полном отсутствии чего-л.' [ЯОС К–Лиова, 10] – единственный случай, когда у имени есть конкретный носитель (правда, и здесь не обходится без аттракции к гл. *имать*). В денотативном классе имен субъектов исчезновения немногим больше фразеологизмов, возникших с опорой на исторический прецедент: см. устар. *погибоша аки обре* 'погибли, не оставив следа, исчезли бесследно' [ФСРЛЯ 2, 100], *сгинул как швед под Полтавой* [Снегирев 1996, 539], *пропасть как Бекович*⁶¹ [Снегирев 1996, 101; СРФ, 45].

В целом анализ предметных имен, выполняющих функцию субъекта-каузатора исчезновения, показывает, что типологию актантных компонентов целесообразнее проводить непосредственно в рамках какой-либо одной модели первичной мотивации. В этом случае денотативный класс перестает быть только списком актантов, указывающим на факт существования и возможность замещения той или иной семантической валентности, становясь перечнем неких предметных эталонов действий, ведущих к исчезновению. Описанные выше для каждого субъекта-каузатора семантические модели репрезентируют несколько типов первичной мотивации: изменение местонахождения объекта ('взять', 'схватив или подхватив, унести'), прятанье ('охватив, скрыть' (= поглотить)) и уничтожение ('сгореть', 'разъесть', 'съесть'). В соответствии с этим можно считать, что типичными носителями действия 'перемещение в пространстве' являются природные стихии (вода и ветер), животные и птицы, черт, в свою очередь, эталоном прятанья будет иней, изморозь, а уничтожения – огонь и медовая роса.

Если предполагать, что на когнитивном уровне типу первичной мотивации соответствует такая ментальная структура, как концепт, то с учетом вышесказанного конечная цель анализа денотативного уровня видится в том, чтобы определить состав участников прототипической ситуации, связанной с отдельно взятым концептом.

А.В. Волотковская

Лексика городской культуры в русских народных говорах

Лексика городской культуры в составе русских народных говоров является одной из форм языковой репрезентации оппозиции «свое – чужое». «Свое» в данном случае – это традиционное, относящееся к

⁶¹ Александр Бекович-Черкасский – один из сподвижников Петра I, который в 1717 г. был послан им в Хиву во главе экспедиции на поиски золота в русле Аму-Дарьи, а также с целью склонить хана к подданству России. В Хиве Бекович был вероломно убит (Большая советская энциклопедия. 2-изд. Т. 4. М., 1950. С. 406).

быту деревни, а «чужое» – новое, городское, изначально отсутствовавшее в деревенском укладе жизни.

Оппозиция «свое – чужое» разрабатывается в современной лингвистической и культурологической литературе как оппозиция разных этносов, разных социальных и возрастных групп, разных конфессий, как оппозиция нормированной и ненормированной лексики, устоявшихся форм и новаций внутри национального языка и т.п.⁶².

Исследованию представлений о своем и чужом в традиционной народной русской культуре посвящены работы А.К. Байбурина, который, характеризуя ритуал как разрешение ситуации нарушения равновесия между двумя мирами, выделяет в рамках этой оппозиции противопоставления «человеческое – нечеловеческое (звериное, божественное, относящееся к сфере смерти)» и «старое – новое»⁶³.

Среди лингвистов вопрос о «своем» и «чужом» рассматривается прежде всего как вопрос о взаимодействии языков или диалектов⁶⁴, однако взаимодействие диалектов и языка горожан в лингвокультурологическом аспекте пока не оказывалось в поле их интересов. Именно этот феномен стал объектом нашего исследования, цель которого – выявление основных принципов освоения диалектами изначально чуждых им слов.

Источником материала послужили данные диалектных словарей. Критериями отбора приняты следующие: характер реалии, обозначаемой той или иной лексемой (слово должно обозначать предмет или явление, которое изначально существовало только в городе); характер самой лексемы (в частности, отбирались слова, восходящие к латинскому, французскому, немецкому языкам, поскольку они могли попасть в говоры только через литературный язык).

Материал показал, что городская лексика, внедряясь в диалектную среду, постепенно перестает быть чем-то чуждым традиционной культуре и начинает употребляться наряду с давно известными деревенскому жителю словами. Городские слова, приспосабливаясь к новой для них реальности, могут изменять или даже утрачивать свое прежнее значение, в зависимости от того, каким образом осваивает диалектоноситель конкретное слово. Вы-

---

⁶² См., например: Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24–26 октября 2001 г. Екатеринбург, 2001.

⁶³ См.: Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 4; Он же. Ритуал: старое и новое // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 35–48.

⁶⁴ См., например: Брыкина Е.В. Диалектная речь как источник изучения этнических и культурных контактов // Лингвокультурологические проблемы толерантности. С. 22–24; Субботина В.Н. Народно-этимологические преобразования как средство освоения заимствования (на материале русских этимологических гнезд с праслав. корнями **ver-*/**vor-* // Там же. С. 127–128; и др.

деляется четыре способа освоения диалектами изначально чуждой им лексики: 1) перенос названия городской реалии на реалию, близкую диалектоносителю; 2) переход абстрактного значения в конкретное; 3) появление оценочного компонента в семантике названия городской реалии; 4) формальное использование городской лексики.

Первые три способа предполагают появление новых лексических значений, которые являются мотивированными, по смыслу связанными с исходным понятием. Четвертый способ представляет собой немотивированный перенос названия.

1. Перенос названия городской реалии на реалию, близкую диалектоносителю

С помощью городской лексики могут номинироваться самые различные реалии, близкие диалектоносителю, т.е. такие, которые издавна характерны для деревенской жизни (например, *квартира* в значении 'изба') или являются общими для города и деревни (например, *дуст* 'ехидный человек'). Городская лексема может «прикрепляться» к новому для нее денотату на основании какого-либо сходства номинируемых объектов, метонимических переносов или иных причин. Чаще всего появление нового лексического значения обусловлено сходством двух денотатов по форме или иным свойствам. На основе сходства по форме и внешнему виду возникают, например диалектные значения у слов *абажур* 'кожух печи' [СРГСУ 1, 25], *арестан* (*ристанга*) 'оборванец' [СРГСУ 1, 27], *бутылка* 'высокий холм' [СРГА 1, 114], *буффер* 'выступ над рекой' [СРГА 1, 114], *гаер* 'человек, наряженный в святочное платье' [СРНГ 6, 93], *ноль* 'круглое отверстие в верхней части погреба' [СРНГ 21, 274], *парик* 'запутавшаяся леска' [НОС 7, 100] и мн.др.

На сходстве свойств, предназначения или функции основаны следующие номинации: *арестан* 'нарушающий правила поведения' [СРГСУ 1, 27]; *бокалка* 'кружка' [СРГСУ-Д, 34]; *вездеходы* 'глубокие калоши' [СРНГ 4, 96]; *доктор* 'растение алоэ' [СРГСУ 1, 139]; *паспорт* 'котелок у бродяги' [СРНГ 25, 260]; *паспортина* 'лицо, физиономия' [Там же]; *почта* 'сплетник, сплетница' [СРГСУ 4, 116] и др.

Часто сближаются реалии, вызывающие сходные ощущения разного порядка, физические и психологические: *дуст* 'ехидный, вредный человек' [НОС 2, 110]; *купоросина* 'острое слово' [СРНГ 16, 103]; *полированный* 'образованный' [СРНГ 29, 74], *сулема* 'лицемер' [НОС 10, 184]. Возможно сближение денотатов на основе сходства физических ощущений, имеющих разную природу: *лиминация* (из *иллюминация*) 'ругань, брань'; *фистулка* 'о ребенке, слабом здоровьем' [СГСР, 660].

Может происходить замена одного понятийного компонента другим. Так, например, лексемы *газовать*, *канифолиить* и *керосинить* употреб-

ляются в значении 'пьянствовать' в результате подмены понятия 'спиртные напитки' понятием 'химическое вещество'; *машинист* в значении 'конох' [СРГА 3, ч.1, 67] объясняется заменой компонента 'машина' на компонент 'лошадь'.

Иногда появление диалектного значения связано с утратой специфики того или иного понятия. Слово *корсет* в говорах получает значение 'верхняя короткая одежда' [СРНГ 14, 372], а слово *тиджак* – значение 'верхняя зимняя одежда' [НОС 7, 137], т.е. новые значения учитывают только общий характер семантики – принадлежность к предметам гардероба.

Наблюдаются случаи метонимического переноса: *гейша* 'женское пальто' [СРГСУ-Д, 104], *дипломат* 'верхняя зимняя одежда' [СРГСУ 1, 137], *коньяк* 'растение, настаиваемое на вине' [НОС 4, 103], *корпус* 'сила' [СРНГ 14, 372].

Встречается парадоксальное присвоение диалектных значений городским лексемам, объясняемое ироническим настроением говорящего: *командовать* 'есть, кушать' [СРНГ 14, 225], *профессия* 'проделка' [СРНГ 33, 21].

2. Переход абстрактных значений в конкретные

Для говоров характерно употребление городских слов, обозначающих абстрактные понятия, в применении к конкретным вещам, что, вероятно, объясняется меньшей отвлеченностью мышления деревенского жителя по сравнению с городским.

Внутри этого способа намечаются две тенденции. Первая заключается в том, что отвлеченные лексемы, первоначально не связанные с конкретным денотатом и характеризующие неопределенное множество предметов, закрепляются за вполне вещественным, зримым и осязаемым предметом, человеком, явлением. От слова *браковать*, которое потенциально может быть применено к любым объектам, в диалектах образуются слова, связанные с конкретным предметом или человеком: *браковка* 'не вышедшая замуж девушка' [СРНГ 3, 147], *браковочка* 'грибы опята' [НОС 1, 82].

Лексемы, которые являются абстрактными характеристиками внешнего вида чего-либо, в говорах материализуются и закрепляются за теми предметами, которые они призваны характеризовать: *контур* 'уголья, принадлежащие заводу' [СРНГ 14, 270], *план* 'земельный участок', 'межа', 'улица' [СРНГ 27, 80], *фасона* 'расположение листьев или узор на листьях' [СРГА 4, 188], *форма* 'домашняя выпечка наподобие хвоста' [СРГА 4, 188]. Аналогично этому слово *манера*, обозначающее способ изготовления чего-либо, применяется для названия самих изготавливаемых предметов: *манер* 'узор кружев' [СРНГ 17, 358], *манерец* 'рисунок на ткани' [Там же].

Вторая тенденция предполагает сужение абстрактного значения до более конкретного. Так, например, слово *аннулировать*, в литературном языке имеющее значение 'объявить недействительным, отменить', в диалектах может быть употреблено в значении 'уничтожить, убрать' [СРСГ-Д, ч.1, 16]. Жители деревни могут сказать, что *избушки аннулированы* [Там же]. Значение слова *орган* (диал. *ворган*) сужается до названия только одного органа – живота [СРНГ 5, 99], а значение слова *колибер* (из *калибр*) – до значения 'рост' [СРГА 2, ч. 2, 59].

3. Появление оценочного компонента в семантике

Городское явление нередко подвергается в диалектах оценке, что влечет за собой появление новых значений у лексемы, называющей это явление. Говоры при этом могут отражать иной, по сравнению с городским, взгляд на вещи. Это ярко проявляется, например, в восприятии деревенским жителем искусства не как чего-то прекрасного, а, наоборот, как антиэстетического явления: *музыка* 'крик, брань, плач' [СРНГ 18, 338], *статуи* 'человек в некрасивой фигурой' [НОС 10, 154]. Такое городское развлечение, как *бал*, в говорах может расцениваться как 'безделье, пустые разговоры' [СРНГ 2, 64].

Часто в диалектных значениях содержатся деревенские представления о той или иной профессии, роде деятельности, ср.: *гусар* 'смекалистый, работающий человек' [СРНГ 7, 241], *интелеле* (из *интеллигент*) 'человек, занимающийся легким трудом' [СРНГ 12, 206], *медик* 'чудак' и 'ловкий человек' [СРНГ 18, 70].

Двойственную оценку получает в говорах *политика*. С одной стороны, в представлении жителей деревни она связана с такими положительными качествами, как образованность, воспитанность (здесь, очевидно, сыграла свою роль переключка с отраженным в говорах словом *политес* от французского *politesse* 'вежливость'), ср.: *политика* 'вежливое, обходительное обращение' [СРНГ 29, 74], *политикованный* 'вежливый, воспитанный, образованный' [СРНГ 29, 75], *политикант* 'книжник, человек, любящий читать' [СРГА 3, ч.2, 117]. С другой стороны, необходимым атрибутом политики в народном сознании являются различные уловки и хитрости: *политиканства* 'уловки, ухищрения' [СРНГ 29, 75], *политикан*, *политикант* 'хитрец' [СРНГ 29, 74].

4. Формальное использование городской лексики

Под формальным использованием городской лексики понимается такое ее употребление в говорах, при котором план содержания слова не учитывается диалектоносителем в силу незнания или нежелания. Видимо, незнанием содержания слова *люстра* обусловлено его употребление в значении 'зеркало' [СРНГ 17, 247], неразличением названием техни-

ческих устройств – употребление лексем *митрофон* (из *микрофон*) и *патехфон* (из *патефон*) в значении ‘магнитофон’ [СРГА 3, ч. 1, 80; ч. 2, 22]. Могут также смешиваться понятия, принадлежащие к разным идеографическим областям, но выражающиеся в словах, близких по звучанию: *квартирка* ‘форточка’ [СРНГ 13, 157], *фатерка* ‘то же’ [СРГСУ 6, 142].

Часто наблюдается замена старого названия реалии на новое на основании того, что они формально близки, хотя их содержание абсолютно различно. Это можно проследить на примере следующих слов и их диалектных значений: *бакалея* ‘залив, лужа, губа’ [СРНГ 2,58] – новая лексема в данном случае вытесняет старую лексему *бакалда* в значении ‘озеро, поемная яма, колдобина’ [Фасмер 1, 109]; *буква* ‘брюква’ [СРГСУ 1, 60]; *маринад* ‘жакет’ [СРГСУ 2, 117] – вместо *маринак*, *маринок* [Там же]; *милиция* ‘мята полевая’ [СРГСУ 2, 132] – вместо *мелисса*; *панорама* ‘рама сохи’ [СРНГ 25, 198]; *шпион* ‘гриб шампиньон’.

Утрата лексемой, пришедшей из города, присущего ей содержания может быть обусловлена народной этимологией. В результате того, что *маркидант* сближается с глаголом *кидать*, образуются лексемы *маркидан* ‘мот, транжира’ и *маркиданить* ‘транжирить деньги’ [СРГСУ-Д, 293]. Аналогичное явление наблюдается со словами *командир* и *командировка*, которые благодаря народной этимологии вступают во взаимодействие с глаголом *драться* и получают значения, изначально им не свойственные: *командер*, *командёр* ‘проказник’ [СРНГ 14, 224], *командировка* ‘драка, ссора’ [СРНГ 14, 225].

Приведенные факты народной этимологии, скорее всего, нужно воспринимать как языковую игру, смысл которой заключается в стремлении употребить необычное слово в повседневной речи.

Анализ вышеперечисленных способов освоения лексики городской культуры в говорах позволяет сделать вывод о том, что городские слова, в одной стороны, активно включаются в общую систему диалектной лексики и развивают переносные значения на основании сходства городской и традиционной культуры, а с другой стороны – являются средством создания экспрессии и иронии.

Лексика городской культуры в настоящее время является неотъемлемой частью диалектной лексической системы. Слова, первоначально употреблявшиеся только в городах, получили широкое распространение в деревне и функционируют в речи диалектоносителей. В русских говорах представлена и предметная лексика, отражающая бытовые реалии жизни горожан, и непредметная, связанная с человеком и его деятельностью.

При взаимодействии городской лексики с деревенской культурой происходит приспособление этих систем друг к другу, в результате которого городские слова меняют свое лексическое значение, становясь

более близкими и понятными диалектоносителю. Специфика значения городских лексем частично утрачивается, и они начинают употребляться для обозначения реалий, окружающих деревенского жителя. Таким образом, городская культура вполне может быть освоена и понята диалектоносителем, будучи приближенной к его жизненному опыту.

Отдельные феномены, свойственные городской жизни (политика, искусство и т.п.) в деревне подвергаются оценке, что отражается в появлении новых значений у слов, номинирующих эти понятия.

В целом наблюдается устойчивое стремление диалектоносителей к употреблению лексики городской культуры, иногда даже формальному, без учета семантики, и это свидетельствует об интересе деревенских жителей к городской культуре, о желании воспользоваться ее достижениями. Анализируя материал диалектных словарей, можно сделать вывод о том, что новая и традиционная культуры находятся в диалогических отношениях друг с другом и между ними нет непримиримых противоречий.

Л.Г. Гусева

Слова с префиксом *воз-/вос-* в устаревшей уральской лексике

Архаическая лексика в современных русских народных говорах представляет собой неоднородное явление и по степени устарелости отдельных лексем, и по причинам, ее вызывающим. Одни слова совершенно перестают употребляться, употребление других становится все более ограниченным.

Исследователи отмечают, что то или иное слово не сразу исчезает из языка, а забывается постепенно, переходя, прежде чем полностью утратиться, в пассивный лексический запас диалектоносителей. Указываются различные пути, по которым идет переход слов в пассивный языковой запас, отмечается, что интенсивность этого перехода зависит и от степени распространенности данного слова в говоре, и от наличия его в окружающих говорах⁶⁵.

Устареванию определенной части лексики как в литературном языке, так и в русских народных говорах способствуют некоторые процессы на словообразовательном уровне. По мнению академика В.В. Виноградова, «анализ непродуктивных словообразовательных типов может

---

⁶⁵ См., например: *Беляева О.П.* Устаревшие слова в лексике сельского населения // Учен. зап. Пермск. пед. ин-та. Вып. 28. Пермь, 1961; *Баранникова Л.И.* Изменения в лексике современных народных говоров // Учен. зап. Саратовск. пед. ин-та. Т. 43. Саратов, 1965.